

УДК 882.09

РОМАНТИЧЕСКИЕ УСТРЕМЛЕНИЯ А.Ф. РЫПИНСКОГО И ИДЕЯ НАРОДНОСТИ Г.И. ГЕРДЕРА.

М. С. Чернова

кандидат филологических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматриваются суждения А.Ф. Рыпинского о белорусской народности и белорусском языке. Прослеживается идейное влияние Г.И. Гердера и определяется значение теории нации и национальной культуры немецкого философа в формировании народоведческих устремлений Рыпинского. Предпринята попытка объективно оценить его роль в развитии белорусского народознания. Отмечаются сильные и слабые стороны народоведческих изысканий Рыпинского.

Ключевые слова: Александр Рыпинский, книга “Беларусь”, идея Гердера о народности, народность, белорусская литература, романтизм, этнография, белорусская культура, польское национально-освободительное движение.

Введение

Проблема национальной идентичности белорусского народа сегодня имеет не только историко-культурное, но и идеологическое значение. Первые шаги в решении этой проблемы были сделаны белорусскими этнографами, фольклористами, поэтами и писателями. Именно они еще в первой четверти XIX в. начали активный поиск и эстетическое освоение самобытной культуры нашего народа. В этой связи несомненную актуальность приобретает изучение деятельности тех, кто стоял у истоков белорусского народознания. Объективная оценка их вклада в его развитие дает возможность уяснить направление, которым мы идем в поисках “родных корней” и своей народности.

Известный российский этнограф и историк литературы А.Н. Пыпин писал, что “народно-романтическая струя” в белорусской литературе “послужила к появлению образовательного движения; умственная жизнь получила новую складку; возник интерес к народным массам” [1, с. 59].

Как подчеркивал Ю. Манн, “в развитии художественных направлений и методов у народов восточноевропейского региона наблюдается та же последовательность, что и в западном европейском литературном процессе” [2. Т. 6, с. 283]. Действительно, как и большинство европейских и русских писателей, белорусские романтики считали народную поэзию вернейшим источником национальной словесности. Поэтому они начинали свою деятельность с собирания и обработки фольклора, а художественность литературных произведений определяли по степени народности.

К началу XIX в. в Западной Европе широкое распространение получила концепция нации и национальной культуры Г.И. Гердера, который доказывал, что человеческая цивилизация существует не в универсальных и общих для всех, а в национально-своеобразных проявлениях. Противопоставив “безличным и безжизненным” имперским культурным системам народно-этническую самобытную культуру, философ обосновал самоценность национальных языков и фольклора как форму проявления духа нации [3].

Идеи Гердера о том, что каждый народ имеет свою историю, свою культуру и особую судьбу, получили горячий отклик среди патриотически настроенных белорусов, не имевших в то время собственной государственности. Однако эти общие положения теории Гердера они наполняли смыслом, соответствующим собственным идеологическим и политическим устремлениям. Свидетельством тому может служить деятельность польско-белорусского поэта и фольклориста Александра Феликсовича Рыпинского (1811–1909).

О его личности и деятельности нельзя судить однозначно. Например, Пыпин упрекал Рыпинского в польском национализме [1]. М. Богданович также считал, что этот “шляхетский стародум” “чисто случайно” назван белорусским поэтом и “народником” [4. Т. 2, с. 23]. В белорусском литературоведении советского периода его относили к идеологам реакционной шляхты. “Начав с чисто эстетского любования устным творчеством белорусского народа, Рыпинский дошел до отрицания его как нации. К белорусам он относился как ярый полонизатор, чужой и враждебный передовой польской демократии”, – писал С. Майхрович¹ [5, с. 61]. В публицистике же наших дней Рыпинский, напротив, назван в числе первых белорусских поэтов и представлен в качестве одного из основоположников белорусского народознания [6]. Однако реальное значение суждений Рыпинского о народности и его роль в становлении белорусского народознания и литературы возможно оценить, лишь учитывая его мировоззрение и те обстоятельства, в которых он оказывался в силу определенных объективных причин.

Уроженец д. Куковячино Витебской губернии, Рыпинский закончил Витебскую гимназию. Семья была небогатой, и рассчитывать на образование в университете Александру не приходилось. Но о том, что у него были интерес к литературе и природные поэтические способности, свидетельствует, например, перевод поэмы А.С. Пушкина “Русалка”, который Рыпинский сделал еще в гимназические годы. По-видимому, тогда же он заинтересовался фольклором и начал собирать и записывать народные песни своих земляков. Однако Рыпинскому не удалось сохранить эти записи, о чем он с сожалением и горечью напишет в своей книге “Беларусь”.

В 1829–1930 гг. Рыпинский учился в школе прапорщиков в Динабурге (современное название – Даугавпилс). Во время несения караульной службы Рыпинский и его друг Тадеуш Скшидлевский познакомились с узником камеры № 5 В.К. Кюхельбекером. Арестованный за участие в мятеже 14 декабря 1825 г., он отбывал наказание в Динабургской крепости, куда его привезли 16 октября 1827 г. В связи с этим необходимо уточнить, что знакомство Рыпинского с Кюхельбекером произошло в 1829 г., т.е. к концу второго года, а не “на пятом году его пребывания в этой крепости”, как ошибочно полагал Пыпин [1, с. 41].

Впоследствии Рыпинский с уважением отзывался о заключенном декабристе и рассказывал о том, какое серьезное интеллектуальное влияние оказывал он на молодых, романтически настроенных поляков. Не случайно Рыпинский называл Кюхельбекера “ученым”, а в своей книге “Беларусь” не раз вспоминал свои с ним встречи. Об их тесном и доверительном общении свидетельствует и тот факт, что Рыпинский помогал Кюхельбекеру переписывать трагедию “Шуйские” и переводить с польского языка произведения А. Мицкевича. В сохранившихся письмах Скшидлевского к Кюхельбекеру, например, говорится: “Посылаю кой-что новос из Мицкевича Рыпинскому, пусть он с Вами их прочтет” [7, с. 42].

¹ Здесь и далее перевод с белорусского и польского языков мой. – М. Ч.

До своего ареста Кюхельбекер был поэтом, литературным критиком, издателем поэтического сборника “Мнемозина”. Как и все приверженцы гражданского романтизма, в оценке художественных явлений он руководствовался критерием народности. Несомненно, Кюхельбекер был последователем учения Гердера, призывавшего описывать “исчезающие остатки обычаев, песен и сказаний славян, чтобы была создана целостная история этого племени, чего настоятельно требует общая картина человечества” [8, с. 176].

Очевидно, именно Кюхельбекер познакомил Рыпинского с основными положениями “Идей к философии истории человечества”, автора которых он называл “мудрецом-ясновидцем”, “великим Гердером” [8, с. 418]. Кюхельбекер и Рыпинский должны были обсуждать и теорию наций Гердера, и его концепцию народности, и проблему фольклора и художественного творчества, а также вопросы польского, белорусского и русского национального своеобразия. Именно через Кюхельбекера Рыпинский воспринял призывы немецкого философа изучать историю и культуру своего народа. И так же, как в свое время романтик-декабрист, Рыпинский будет искать в прошлом своей страны примеры твердости духа, презрения к опасности и смерти, нетерпимости своих соотечественников к чужому игу. И так же, как и Кюхельбекер, вышедший на Сенатскую площадь и тем самым воплотивший в жизнь свои романтические призывы отдать жизнь за героические идеалы, Рыпинский в 1831 г. примкнет к участникам восстания за независимость Польши.

После его подавления Рыпинскому удалось избежать ареста. Он эмигрировал за границу: сначала в Париж, где познакомился с Мицкевичем, затем в Лондон, где участвовал в создании Вольной польской типографии. Наконец в 1840 г. появилась книга Рыпинского “Беларусь”².

Впервые с докладами о Беларуси Рыпинский выступил на заседании “Польского литературного товарищества” осенью 1839 г. И хотя основная задача этого общества состояла в “собрании и публикации материалов, которые касаются давнего Польского королевства”, на самом деле его программа выходила за рамки историко-архивной работы: “Товарищество” представляло собой объединение сепаратистски и националистически настроенных польских эмигрантов. “Что мог преподнести Рыпинский на суд патриотически настроенных слушателей, сам проникнувшийся пропольской идеологией? Очевидно, своими “вершиками”, подобными тем, которые писали почти все, невозможно было тронуть публику и, что особенно важно, заслужить ее уважение и авторитет. Поэтому, рассказывая о Беларуси, которая “сколько есть и будет Польша, составляет неподдельную часть нашей дорогой Родины”, А. Рыпинский, как бывший житель этой самой Беларуси, оспаривал утверждения русской печати и политики, что Беларусь – это изначальная территория России”, – отмечал М. Хаустович [9, с. 276].

Следует подчеркнуть, что в рассуждениях о белорусах Рыпинский ориентировался на общепринятые принципы народности, сформулированные Гердером. Немецкий философ обуславливал это понятие географическим положением дан-

² Книга А. Рыпинского “Białorus. Kilka słów o poezji prostego ludu tej naszej polskiej prowincji; o jego muzyce, śpiewie, tańcach, etc.” (“Беларусь. Несколько слов о поэзии простого люда той нашей польской провинции; о его музыке, песнях, танцах и т.п.”) первого издания 1840 г. в единственном экземпляре хранится в Национальной библиотеке Республики Беларусь. Написанная на польском, она в полном объеме на русский язык не переводилась. На белорусский язык труд Рыпинского был переведен (Рыпинскі, А. Беларусь // АРЧЕ Пачатак. – 2009. – № 5. – С. 202–281).

ной страны, государственным устройством, а также традициями, религией, этикой, языком нации [3].

Рыпинский утверждал, что “Белая Русь есть та же Польша”: “Эта Русь, насколько она есть и будет польскою, составляет неделимую часть нашей дорогой родины. <...> Живет здесь простой народ славянского племени, издавна тесно породнившийся с семьей ляхов, честный, но убогий (uboga), и мало известный даже собственной отчизне его Польше, хотя он любит ее выше всего” [10, с. 204]. Автор этих строк, по сути, отказал Беларуси в праве на самостоятельное государственное образование. Белорусская земля представлялась ему лишь частью Великой Польши, территория которой когда-то простиралась “от Балтийского моря и до Черного и от Салы до ворот Смоленска”.

В силу своего государственного положения Беларусь всегда страдала от нападения соседей. При этом главную опасность для белорусов Рыпинский усматривал в “татарском наплыве москалей”. Он считал, что белорусский народ уцелел только благодаря тому, что “выбрал себе, наконец, матерью Польшу, бросился вместе с Литвой в ее заботливые объятия и прильнул к ней с сыновней любовью” [10, с. 24]. Автор книги объясняет этот факт отвращением белорусов “ко всему московскому”, в чем немаловажную роль сыграла разница в религии. Православие, или, как пишет Рыпинский, “схизма есть для него (белорусского народа. – М.Ч.) – синоним язычества” [10, с. 23]. Однако непредвзятый взгляд на историю дает основание утверждать, что далеко не все белорусы тяготели к католической Польше. Экономическое и социальное бесправие заставляло православное население белорусской земли с надеждой смотреть в сторону восточных соседей – единоверцев.

Как гердерьянец, Рыпинский не мог обойти вниманием вопрос о языке нации. Он утверждал, что язык, на котором говорят белорусы, связывает их с Польшей, а не с Россией. Этот язык “менее отатарен, чем у жителей Москвы или Казани” и “<...> имеет свою оригинальную народную печать, которая значительно отделяет от всех тех языков (русского и украинского. – М.Ч.) и тем самым, как мне кажется, сближает его с польским” [10, с. 37]. При этом Рыпинский ссылаясь на Кюхельбекера, который, по его словам, соглашался, что язык белорусский имеет больше польских слов и выражений, чем все другие, “так называемые”, русские наречия.

Рыпинский обращался к белорусской шляхте и мещанам с призывом изучать польский язык и нести его в крестьянскую среду. Польский язык, таким образом, он считал средством объединения белорусского народа с народом польским и создания единой польско-белорусской нации. Именно поэтому в знак “высокого почтения и похвалы” Рыпинский посвятил свой труд “Беларусь” “первому из белорусских мужичков, который сначала выучился читать, а потом говорить и думать по-польски” [10, с. 3].

По сути, книга Рыпинского имела своей целью доказать, что политически, исторически и культурно Беларусь представляет собой часть Польши. Поэтому и о белорусской народности он пишет только как о “ступени к народности польской”. Противоречие в суждениях Рыпинского отметил еще Пыпин: “Он (Рыпинский. – М.Ч.) с жаром говорит о необходимости изучения народности, – в данном случае белорусской, ждет здесь открытия национальной святыни, и в то же время признает эту народность только как польскую и, собственно говоря, желает ей исчезнуть” [3, с. 66].

Особый раздел книги “Беларусь” составляли тексты белорусских фольклорных песен, описание некоторых народных обрядов, игр, увеселений. Рыпинский, однако, представил белорусские песни в польской транскрипции, к тому же, по его собственному признанию, зачастую воспроизведенные по памяти. Тем не менее, нельзя не отметить, что он впервые в нашей фольклористике предпринял попытку систематизировать известные ему произведения устного народного творчества белорусов по жанрам и темам. Он выделил духовные и религиозные, свадебные, хуторские, исторические, трудовые, лирические, детские и танцевальные песни. В конце книги он дал описание обрядов, забав, игр, привел несколько пословиц и поговорок, а также опубликовал народные религиозные песни книжного происхождения: “Старый Осип бородатый”, “О, мой Боже, верю тебе” и историческую песню “Про рыцаря Байду”.

Главный недостаток книги Рыпинского – это идеологическая и политическая ангажированность его автора. Рассказывая о временах независимости Речи Посполитой и воинской славы поляков, он не сдерживал чувства злобы против главных, как он считал, ее врагов – москалей. В данном случае можно понять эмоции вынужденного покинуть родную страну участника польского восстания, подавленного русскими войсками.

В 1841 г. он еще раз выступил на заседании “Польского литературного товарищества” и прочитал свое стихотворение “К живому белому орлу, который находится в королевском зверинце в Париже”. Белый орел, посаженный в клетку, – это польская государственная символика, означающая положение государства Польша. Лирический герой готов сломать эту клетку и выпустить орла, чтобы тот полетел в край, где его с надеждой ждет весь народ. В 1840-х гг. Рыпинский написал несколько подобных произведений, в которых использовал ту же аллегория. Так, например, в стихотворении “Орел в ловушке” он призывает орла к расправе над русским царем. Вдохновившись такой идеей, Рыпинский натуралистично рисует кровавые картины. К сожалению, в данном случае приходится признать правоту В.П. Боткина, который предупреждал, что “политическая идея – это могила искусства”.

Позднее Рыпинский напишет “белорусскую балладу” “Нечистик”. Фольклорная основа, картины крестьянского быта, сказочные, религиозные и мистические мотивы, присутствующие в тексте баллады, – все свидетельствовало о том, что ее автор вернулся к романтической идее народности.

В эмигрантских журналах баллада “Нечистик” была несколько раз переиздана, но в России она интереса уже не вызвала и опубликована не была. Объяснялось это не столько происками русского правительства, не желавшего “распространения грамоты латинской” (баллада была написана на белорусском языке, но латинскими буквами). В 1853 г., когда это произведение вторым изданием появилось в эмигрантской печати, этика и эстетика романтизма себя уже изжили. Реалистические тенденции, характерные для всей европейской литературы того времени, не допускали идеализации ни отдельного человека, ни нации.

В 1859 г. Рыпинский вернулся на родину и предпринял попытку составить историю белорусской литературы, продолжая обуславливать свое понимание белорусской народности идеями Гердера о национальной самобытности. Однако умонастроение эпохи уже изменилось. Его определяли идеи И. Тэна, и складывалось культурно-историческое литературоведение, которое национальную культуру рассматривало как часть общеевропейского культурного развития и ориентировалось на поиск общих закономерностей, связей и взаимосвязей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Пыпин, А. Н.** Белоруссия и Сибирь / А. Н. Пыпин // История русской этнографии : в 4 т. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1892. – Т. 4. – 488 с.
2. История всемирной литературы в 9 томах. АН СССР ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – Москва : Наука, 1983–1989.
3. **Гердер, Г. И.** Идеи к философии истории человечества. (Памятники исторической мысли) / Г. И. Гердер. – Москва : Наука, 1997. – 705 с.
4. **Багдановіч, М.** Творы ў 2 т. / М. Багдановіч. – Мінск, 1927–1928.
5. **Майхровіч, С.** Нарысы беларускай літаратуры XIX стагоддзя / С. Майхровіч. – Мінск : Дзяржаўнае вучэбна-педагагічнае выдавецтва Міністэрства асветы БССР, 1959. – 323 с.
6. **Рублевская, Л.** Создатель буквы ў / Л. Рублевская / Беларусь сегодня. – 2011. – 2 ноября.
7. Декабристы и их время. Материалы и сообщения : [сборник] / под ред. М. П. Алексеева и Б. С. Мейлаха. – Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 1951. – 381 с.
8. **Кюхельбекер, В. К.** Сочинения / В. К. Кюхельбекер. – Ленинград : Художественная литература, 1989. – 576 с.
9. **Хаўстовіч, М.** Аляксандр Рыпінскі: знаёмы і незнаёмы // АРСНЕ Пачатак. – 2009. – № 5. – С. 281–396.
10. **Rypinski, A.** Białoruś. Kilka słów o poezji prostego ludu tej naszej polskiej prowincji; o jego muzyce, śpiewe, tańcach etc.; Czytano na posiedzeniu towarzystwa literackiego polskiego w Paryżu r. 1839, m-ca listopada 21 dnia / A. Rypinski. – Paryz, 1840. – 228 s.

Поступила в редакцию 18.02.2015 г.

Контакты: masha.70@mail.ru (Чернова Мария Станиславовна)

Chernova M.S. ROMANTIC ASPIRATIONS OF A.F. RYPINSKY AND G.I. HERDER'S IDEA OF NATIONALITY

The article analyzes Rypinsky's judgment of the Belarusian nationality and language. There is ideological influence G.I. Herder, his theory of the nation and national culture traced in Rypinsky's aspirations. An attempt have been made to assess the significance of Rypinsky's collecting activity in the history of Belarusian ethnography and folklore. The strengths and weaknesses of Rypinsky's research have been observed.

Key words: Alexander Rypinsky, book "Belarus", Herder's idea of nation, Nationality, Belarusian literature, romanticism, ethnography, Belarusian culture, the Polish national liberation movement.